

Ю.С.Медведев

КОНЦЕПЦИЯ КОНКУРЕНТНОГО АВТОРИТАРИЗМА И ЕЕ КРИТИКА В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Юрий Семенович Медведев — кандидат политических наук, доцент Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Санкт-Петербург). Для связи с автором: ymedvedev@yandex.ru.

Аннотация. Концепция конкурентного авторитаризма Стивена Левицкого и Лукана Вэя стала одним из убедительных ответов на упадок транзитологической парадигмы, питавшей в свое время оптимистические ожидания по поводу демократизации тех политических режимов, которые соединяли в себе элементы демократии и авторитаризма. По логике Левицкого и Вэя, присутствие авторитарной составляющей не позволяет характеризовать такие смешанные режимы как демократические, и в этом смысле конкурентный авторитаризм — это именно авторитаризм. Вместе с тем от других форм авторитарных режимов его отличает неиллюзорная возможность оппозиции конкурировать за исполнительную власть.

Концепция конкурентного авторитаризма нашла широкое применение в исследованиях политических режимов, однако обусловленная этим настоятельная необходимость все более глубокого осмысления ее положений породила у исследователей ряд критических замечаний. Основные претензии оппонентов вызывают операционализация понятия «конкурентный авторитаризм», историческая ограниченность его применения, а также идея Левицкого и Вэя о предопределенности демократизации конкурентных авторитарных режимов наличием широких и плотных связей с Западом, которые к тому же рассматриваются как некая застывшая объективная данность. В статье предпринята попытка свести воедино критические аргументы, высказывавшиеся в адрес концепции конкурентного авторитаризма в исследовательской литературе, и тем самым содействовать более взвешенной ее рецепции в отечественном научном дискурсе. По заключению автора, главные изъяны концепции связаны с интерпретацией причин уязвимости/стабильности конкурентных авторитарных режимов. Сосредоточенность на роли Запада и способности режима контролировать политический процесс оставляет за скобками ряд других существенных факторов, в том числе умение оппозиции противопоставить действующей власти некую реальную альтернативу, что особенно важно в российских условиях, где отсутствие такой альтернативы

является одной из ключевых причин исключительной устойчивости авторитарного режима.

Ключевые слова: выборы, демократизация, конкурентный авторитаризм, международные связи, политический режим

Представление об особом типе политических режимов, соединяющем в себе черты авторитаризма и демократии (включая регулярное проведение относительно конкурентных выборов), зародилось на рубеже 1990—2000-х годов, когда так называемая «третья волна» демократизации сменилась авторитарным откатом. Прежде, когда «третья волна» была еще на подъеме, считалось, что выборы, по известному выражению Самюэля Хантингтона, — это «смерть диктатуры»¹. Иначе говоря, само их проведение едва ли не автоматически должно вести к демократизации. В связи с этим тот факт, что многие из режимов (в том числе в странах бывшего коммунистического блока), которые продекларировали отказ от авторитарного прошлого и обзавелись внешне демократическими институтами, до демократии явно не дотягивали, расценивался как болезнь переходного периода. Мейнстримом в политологии были ожидания, что рано или поздно эти «демократии с прилагательными»² («нелиберальные»³, «дефектные»⁴ и т.п.) превратятся в полноценные демократические режимы. К началу 2000-х годов стало ясно, что эти ожидания завышены, что большинство подобных режимов стабилизировались и к демократии переходить не собираются и что наличие у них фасадных демократических институтов не меняет их авторитарной природы. В результате научного осмысления этого обстоятельства появились концепции «гибридных режимов»⁵ и, позднее, «электорального авторитаризма»⁶. В современной литературе выделяются две разновидности электоральных авторитарных режимов — конкурентные авторитарные и гегемонистские авторитарные⁷.

Концепция конкурентного авторитаризма была предложена Стивенем Левицким и Луканом Вэем⁸. Согласно их заключению, работы по транзитологии, которая начиная с «третьей волны» претендовала на выявление универсальных закономерностей режимных переходов, в массе своей страдают от «демократизационного уклона» (democratizing bias)⁹. Поставив под сомнение сами исходные посылы наиболее популярных в то время моделей объяснения демократических транзитов, Левицкий и Вэй пришли к выводу: хотя ученые квалифицируют многие переходные режимы «как „частичные“ или „усеченные“ формы демократии... их правильнее называть усеченными формами авторитаризма»¹⁰. Тем самым было положено начало разработке одного из наиболее продуктивных инструментов анализа авторитарных режимов в их современном обличье.

¹ Хантингтон 2003: 190.

² Collier and Levitsky 1997.

³ Закария 2004.

⁴ Меркель и Круассан 2002.

⁵ Karl 1995; Diamond 2002.

⁶ Schedler 2002, 2006.

⁷ Roessler and Howard 2009.

⁸ Levitsky and Way 2002, 2010.

⁹ Levitsky and Way 2002: 51. Еще более жесткую оценку парадигме транзита дает Томас Карозерс, утверждающий, что она в принципе больше не релевантна (Карозерс 2003).

¹⁰ Levitsky and Way 2002: 52.

**Конкурентный
авторитаризм
как тип
политического
режима**

Что же представляет собой конкурентный авторитаризм? В понимании Левицкого и Вэй, это такой тип режима, который отличается, с одной стороны, от демократии, с другой — от полномасштабного авторитаризма.

«Все современные демократические режимы, — отмечают они в статье, опубликованной в 2002 г., — соответствуют по крайней мере четырем критериям: (1) исполнительная и законодательная власть избирается путем открытых, свободных и честных выборов; (2) практически все взрослые граждане обладают избирательным правом; (3) действуют политические права и гражданские свободы, включая свободу слова, собраний и критики правительства, что никому не грозит репрессиями; (4) избранная власть обладает реальной свободой управления и не является объектом опеки и контроля со стороны военных или религиозных лидеров. Даже полностью демократические режимы иногда не отвечают одному или нескольким из этих критериев, однако такие нарушения в их случае не настолько распространены и регулярны, чтобы всерьез подорвать демократическую форму правления. Другими словами, они не меняют коренным образом равных условий политической игры между правительством и оппозицией. В конкурентных авторитарных режимах, напротив, нарушения этих критериев являются достаточно частыми и серьезными, чтобы создать неравные условия для действующей власти и ее противников»¹¹. В более поздней работе уточняется: «конкурентный авторитаризм отличает от демократии... то, что злоупотребления со стороны властей нарушают по крайней мере одну из трех определяющих характеристик демократии: (1) свободные выборы, (2) всеобщая защита гражданских свобод и (3) относительно равное игровое поле (even playing field)»¹².

¹¹ *Ibid.*: 53.

¹² *Levitsky and Way 2010*: 7.

От полномасштабного же авторитаризма конкурентные авторитарные режимы отличаются тем, что в них все же «существуют конституционные каналы, по которым оппозиционные группы значимым образом конкурируют за исполнительную власть»¹³. Важно отметить, что к полномасштабному авторитаризму Левицкий и Вэй относят не только закрытые автократии, в которых на национальном уровне отсутствуют демократические институты (как в современных Китае, Кубе, Саудовской Аравии), но и режимы, где демократические институты представляют собой не более чем фасады. Это так называемые гегемонистские режимы (например, Египет при Хосни Мубараке, современные Казахстан и Узбекистан). В них «выборы настолько омрачены репрессиями, налагаемыми на кандидатов ограничениями и/или мошенничеством, что нет никаких сомнений относительно их результатов. Большая часть оппозиции вынуждена уйти в подполье, а ведущие критики часто находятся в тюрьме или ссылке»¹⁴. В связи с этим электоральный путь к достижению власти в таких режимах уже практически нереален.

¹⁴ *Ibidem*.

Специфика конкурентного авторитаризма заключается в том, в режимах этого типа «формально действующие демократические

¹⁵ *Levitsky and Way*
2002: 52.

институты обычно считаются главными средствами достижения и осуществления политической власти. Однако при этом власть имущие нарушают демократические законы так часто и до такой степени, что режим перестает соответствовать минимальным требованиям, предъявляемым к демократии¹⁵. Иначе говоря, конкурентные авторитарные режимы — это «гражданские режимы, в которых формальные демократические институты существуют и повсеместно рассматриваются как основное средство получения власти, но в которых злоупотребление властью дает инкубентам значительное преимущество перед противниками. Подобные режимы конкурентны в том смысле, что оппозиционные партии используют демократические институты для серьезной борьбы за власть, но они не являются демократическими ввиду заведомо неровного игрового поля, заметно перекошенного в сторону инкубентов. Таким образом, конкуренция реальна, но несправедлива»¹⁶. Во всех конкурентных авторитарных режимах проводятся выборы, причем такие, на которых у оппозиции есть хотя бы минимальный шанс на победу. Но вмешательство инкубентов, а также нарушения гражданских свобод и отсутствие равных условий игры заставляют квалифицировать их как авторитарные.

¹⁶ *Levitsky and Way*
2010: 5.

**Операционализация
понятия
«конкурентный
авторитаризм»**

¹⁷ *Levitsky and Way*
2002: 55.

Критерии причисления режимов к конкурентным авторитарным были сформулированы Левицким и Вэем не сразу. Так, в статье 2002 г. они лишь ссылались на признаваемое многими исследователями эмпирическое правило, в соответствии с которым «если президент переизбран более чем 70% голосов, то данный режим можно считать неконкурентным»¹⁷. Впоследствии, однако, ими была предложена сложная схема кодирования, опирающаяся уже не на результаты выборов, а на оценку электорального процесса согласно перечню индикаторов, включающему в себя несколько десятков пунктов и подпунктов¹⁸. Используя эту схему, Левицкий и Вэй выявили 35 режимов, которые стали конкурентными авторитарными в 1990—1995 гг. или уже были ими к началу этого периода, — с тем чтобы проследить их судьбу до 2008 г.

¹⁸ *Levitsky and Way*
2010: 365—371.

Следует отметить, что схема кодирования оказалась одним из тех элементов теории конкурентного авторитаризма, который навлек на нее серьезную критику. Так, попробовав применить данную схему к ряду стран Субсахарской Африки, Гэбриэл Бардалл пришла к выводу, что исходной методологии Левицкого и Вэя присущи существенные недостатки, ставящие под сомнение ее воспроизводимость¹⁹. По заключению Бардалл, большая часть африканских случаев, отнесенных Левицким и Вэем к конкурентному авторитаризму, в действительности им не является, и наоборот — в Африке южнее Сахары есть конкурентные авторитарные режимы, не идентифицированные в качестве таковых. Впрочем, даже беглый взгляд на составленный Левицким и Вэем список стран с подобным режимом порождает вопросы. В частности, по состоянию на начало 1990-х годов (равно как и сейчас) режим включенной в него

¹⁹ *Bardall 2016*.

Ботсваны, как правило, оценивается как демократический. В свою очередь, режим в Габоне в указанное время нередко квалифицируется как гегемонистский. Вместе с тем выявленные Бардалл методологические изъяны не носят фатального характера и, по ее собственной оценке, вполне поддаются устранению²⁰.

²⁰ *Ibid.*: 36.

Концепция конкурентного авторитаризма была выстроена на исторически узком эмпирическом материале. Как уже упоминалось, основой для теоретических обобщений в ней выступает специфика 35 политических режимов в первые годы после окончания холодной войны²¹. Некоторые исследователи видят в этом ее слабое место, поскольку ограниченные временные рамки снижают валидность результатов и базирующиеся на них заключения могут не иметь объяснительной силы в другом историческом контексте²². Однако сами авторы теории считают свой подход вполне оправданным, ссылаясь на то, что международная обстановка быстро меняется и перспективы политических режимов в наши дни значительно отличаются от тех, что были раньше. Например, если «во времена холодной войны почти все военные перевороты приводили к авторитарному правлению, то после 1989 г. почти 70% переворотов привели к многопартийным выборам»²³. Отсюда необходимость ограничения исторических рамок анализа.

²¹ *Levitsky and Way 2010*: 4.

²² См., напр. *Bours Laborin 2011; Slater 2011*.

²³ *Levitsky and Way 2011*: 388.

Для конкурентных авторитарных режимов характерно не просто регулярное проведение выборов, но и сохранение у оппозиции шанса на успех. При всем том ее электоральные позиции заметно уступают позициям инкубентов. Эти исходные преимущества прорежимных сил Левицкий и Вэй обобщают в понятии *uneven playing field* — «неровное игровое поле», которое «перекошено» в сторону действующей власти. Многие составляющие этого «неровного поля» можно отнести к нарушениям гражданских свобод и принципов свободных и справедливых выборов, которые еще со времен Роберта Даля считаются ключевыми атрибутами демократии²⁴. Однако авторы настаивают на несводимости «игрового поля» к данным параметрам, поскольку его «неровность» проявляется и между выборами и не всегда напрямую затрагивает гражданские свободы — например, когда власти неявно контролируют негосударственные СМИ или обеспечивают себе преимущественный доступ к финансовым ресурсам. С их точки зрения, сам факт перекоса игрового поля позволяет понять, что «режимы могут быть недемократичными даже в отсутствие явных фальсификаций или нарушений гражданских свобод»²⁵.

²⁴ *Даль 2010*.

²⁵ *Levitsky and Way 2010*: 6.

²⁶ *Helle 2016*.

Концепт «игрового поля» был подвергнут критическому разбору в статье Свейна-Эрика Хелле²⁶, обратившего внимание на то, что предложенный Левицким и Вэем способ операционализации этого понятия не соответствует его определению и используемые количественные параметры нуждаются в уточнении. Более того, ссылаясь на эмпирические данные по африканским странам, Хелле поставил под сомнение обоснованность самого представления о том, что искажения «игрового поля» являются существенной характеристикой конкурентного авторитаризма.

**Linkage –
leverage –
organizational
power:
что важнее
для
демократизации?**

²⁷ *Levitsky and Way
2002: 60.*

Если в статье 2002 г. Левицкий и Вэй сосредоточились главным образом на причинах становления конкурентных авторитарных режимов (рассматривая в качестве таковых «упадок полного авторитаризма», «коллапс авторитаризма» и «распад демократии»²⁷), то основным содержанием книги, опубликованной ими в 2010 г., стало отслеживание дальнейшей динамики этих режимов и поиски причин расхождения их траекторий. В книге выстроена объяснительная модель, согласно которой три возможных результата эволюции данных режимов — демократизация, стабилизация авторитаризма и переход к нестабильному авторитаризму — обусловлены комбинацией таких факторов, как связь с Западом, восприимчивость к западному давлению и организационная сила инкумбента.

²⁸ *О том, что вероятность демократизации тем выше, чем теснее связь режима с демократическими странами, говорилось еще в их статье 2005 г. (см. Levitsky and Way 2005).*

Связь с Западом (linkage) определяется плотностью экономических, политических, дипломатических, гражданских взаимодействий, а также трансграничных потоков капитала, товаров, услуг, людей и информации между данной страной и США и/или государствами ЕС. По оценке Левицкого и Вэй, только в случае тесной связи с Западом возможна успешная демократизация²⁸. Восприимчивость к западному давлению (leverage) означает готовность страны уступить (или неспособность сопротивляться) нажиму западных держав, инициирующих процессы демократизации. К факторам, снижающим такую восприимчивость, относится высокое экономическое или геополитическое значение страны, а также влияние в ней так называемых «черных рыцарей» — государств, политически и экономически покровительствующих автократии. Организационная сила указывает на уровень развития и сплоченности государственных и партийных структур. Организационная сила режима высока, если государственные органы и правящая партия хорошо отлажены и сплочены, а инкумбент в состоянии контролировать внутриэлитные конфликты и противостоять вызовам со стороны оппозиции. Организационная сила складывается из силового (coercive) потенциала государства, мощи правящей партии и государственного контроля над экономикой.

²⁹ *Slater 2011.*

Собственно, именно эта трехфакторная модель и навлекла на теорию конкурентного авторитаризма основной вал критики. На односторонность построений Левицкого и Вэй одним из первых обратил внимание Дэн Слейтер²⁹. Действительно, из трех введенных ими независимых переменных определяющее значение для судеб демократизации имеет лишь одна — связь с Западом. Тезис Левицкого и Вэй, по сути, сводится в тому, что в эпоху после окончания холодной войны в странах, тесно связанных с Западом, конкурентные авторитарные режимы, как правило, сменялись демократией, тогда как там, где связи с Западом были слабы, сохранялось авторитарное правление. Две другие переменные — восприимчивость к западному давлению и организационная сила — объясняют лишь особенности сохраняющегося авторитаризма. Режимы, отличавшиеся высокой организационной мощностью, с большой вероятностью оставались стабильными. То же самое относится и к слабо

организованным режимам, устойчивым по отношению к давлению со стороны западных стран. В свою очередь, слабо организованные режимы, восприимчивые к западному давлению, обычно были нестабильными, при этом происходившие в них смены власти вели не к демократизации, а к установлению нового авторитаризма³⁰.

Отсюда упреки в одномерности, детерминизме и экзогенном объяснении демократизации, которые высказывает Слейтер в адрес данной объяснительной схемы³¹. Теория Левицкого и Вэя, полагает он, de facto исключает самостоятельное движение к демократии, так как демократизация всегда обусловлена внешними факторами. Не согласен он и с заключением Левицкого и Вэя, ввиду низких значений организационной силы отказывающихся в перспективе демократизации таким странам, как Бенин, Гана, Мали, Перу и Украина. По его мнению, несмотря на довольно ограниченные связи с Западом и организационную слабость эти страны имеют шанс перейти к демократии³².

Авторы концепции конкурентного авторитаризма, однако, считают эти упреки несправедливыми. В статье, специально посвященной ответам на претензии Слейтера³³, они указывают, что все дело в специфике рассматриваемых в их книге случаев. За редкими исключениями исследуемые ими страны характеризовались слабостью гражданского общества, оппозиционных движений и частного сектора экономики. Иначе говоря, сложившиеся там внутренние условия не благоприятствовали демократизации, и ее успех зависел преимущественно от внешнего влияния: «В отличие от успешных примеров третьей волны... демократизация в таких странах, как Албания, Камбоджа, Гайана, Малави, Мозамбик, Никарагуа и Румыния, требовала сильного внешнего толчка»³⁴. Но опыт этих стран не подлежит генерализации: «В книге мы ясно показываем, что демократизация не всегда обусловлена внешними факторами. На самом деле она обычно вызывается внутренними обстоятельствами»³⁵.

Что же касается перспектив демократизации в странах с невысоким организационным потенциалом, то, с точки зрения Левицкого и Вэя, слабость гражданского общества и внутренней оппозиции вкупе со слабостью государственных структур практически не оставляет этим странам шанса на успех: «Есть достаточно теоретических оснований ожидать, что демократия в таких случаях не выйдет за пределы этапа становления, а если и выйдет, то не выживет»³⁶. Впрочем, как оговариваются исследователи, поскольку теория конкурентного авторитаризма охватывает значительное число случаев в разных регионах мира, неудивительно, что в выборке присутствуют аномалии (outliers)³⁷.

NB! Стоит отметить, что в более поздних своих работах Левицкий и Вэй непосредственно обращаются к вопросу об источниках организационной силы конкурентных авторитарных режимов. К их числу они относят, в частности, революционное происхождение правящей партии, что «дает лидерам дополнительные (нематериальные)

³⁰ В противовес стереотипам времен расцвета транзитологии сегодня общепризнано, что победа оппозиции и смена власти отнюдь не всегда означают демократизацию (см., напр. Wahman 2014).

³¹ Slater 2011: 386.

³² Ibid.: 387.

³³ Levitsky and Way 2011.

³⁴ Ibid.: 388.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibidem.

³⁸ *Levitsky and Way* 2012: 869.

ресурсы, которые могут сыграть решающую роль в поддержании партийного единства и дисциплины, даже когда власть этой партии оказывается под угрозой. Следовательно, там, где правящие партии сочетают механизмы патронажа с сильной идентичностью, солидарными связями и дисциплиной, обусловленными насильственным происхождением, режимы должны быть наиболее прочными»³⁸.

³⁹ *Nodia* 2014.

⁴⁰ *Tolstrup* 2013, 2014.

Положение о роли связей с Западом в демократизации критикуют также Гиа Нодиа³⁹ и Якоб Толstrup⁴⁰, обращающие внимание на несколько иной, нежели Слейтер, аспект проблемы. Связи с Западом, подчеркивают они, не есть нечто застывшее и объективно данное. Они суть следствие того или иного выбора со стороны элит, результат принимаемых политическими акторами шагов и в этом смысле носят не структурный, а процедурный характер. Отвечая на это замечание, Левицкий и Вэй признают, что выбор, совершаемый местными элитами, действительно имеет значение, особенно в тех странах, чьи связи с Западом не являются однозначно сильными или однозначно слабыми (то, что Нодиа называет «линией разлома»). Вместе с тем они указывают на то, что структурные факторы⁴¹ неизбежно поощряют одни варианты выбора и препятствуют другим. Поэтому даже на «линии разлома» было бы совершенно неправильно их игнорировать⁴².

⁴¹ *Необходимо, впрочем, учитывать, что понятие «структура» в работах Левицкого, Вэя и их соавторов трактуется крайне широко (см., напр. Way and Casey 2018).*

⁴² *Levitsky and Way* 2014.

⁴³ *Bilek* 2020.

Из теории Левицкого и Вэя следует, что по мере усиления связей с Западом цена репрессий и электоральных манипуляций для авторитарных правителей должна возрастать и угроза внешних санкций должна удерживать их от использования наиболее жестких форм подавления и манипулирования. Это заключение не находит, однако, эмпирического подтверждения: опираясь на обширный массив данных, Ярослав Билек показывает, что корреляция между этими переменными минимальна и статистически незначима⁴³.

⁴⁴ *Hartman* 2016.

Среди критиков тезиса Левицкого и Вэя о значимости связей с Западом есть и те, кто признает ключевую роль внешнеполитического фактора, но рассматривает ее в более широком контексте. Так, например, Кристоф Хартман полагает, что существенный вклад в динамику конкурентного авторитаризма вносят региональные организации. Именно так, по его мнению, обстояло дело в случаях Бенина, Ганы и Мали, отнесенных авторами концепции конкурентного авторитаризма к категории девиантных, — драйвером демократизации там выступило Экономическое сообщество стран Западной Африки⁴⁴. В сущности, Хартман не столько критикует, сколько развивает идею Левицкого и Вэя о принципиальной важности внешних связей, распространяя ее и на связи региональные.

Серьезным аргументом против положения о решающем влиянии связей с Западом на перспективы демократизации служит опыт Латинской Америки. По логике Левицкого и Вэя, латиноамериканские страны с высокой степенью вероятности должны были перейти к демократии. И, казалось бы, так и произошло: «В Северной и Южной

Америке пять из шести конкурентных авторитарных режимов были демократизированы в период после окончания холодной войны. Как и в Восточной Европе, внутренние переменные с трудом объясняют эти результаты. <...> Для Латинской Америки, особенно для Мексики, Центральной Америки и Карибского бассейна, характерны широкие экономические, дипломатические, технологические, социальные и коммуникационные связи с Соединенными Штатами. <...> В отличие от большей части Азии и бывшего Советского Союза, где в период после окончания холодной войны региональные державы ограничивали влияние США, в Северной и Южной Америке Соединенные Штаты обладали „безусловной и полной гегемонией“⁴⁵. Однако, как отмечает Скотт Мэйнуоринг, в действительности в латиноамериканском регионе имеется немало конкурентных авторитарных режимов: «венесуэльский опыт при Чавесе противоречит в целом здравому аргументу Левицкого и Вэя о том, что ввиду высокой связи с Соединенными Штатами в Западном полушарии трудно консолидировать конкурентный авторитаризм. Никарагуа, Эквадор и Боливия сегодня также, возможно, являются примерами конкурентного авторитаризма»⁴⁶.

⁴⁵ *Levitsky and Way 2010: 130—131.*

⁴⁶ *Mainwaring 2012: 963. Сходные аргументы приводятся и применительно к связям стран Северной Африки с Европейским союзом (см., напр. Hill 2019).*

Примечательно, что всего через три года после выхода в свет «Конкурентного авторитаризма» к исследованию феномена укорененности в Латинской Америке подобных режимов обратился и сам Левицкий. В статье, написанной им в соавторстве с Джеймсом Локстоном и опирающейся на материал Боливии, Венесуэлы, Перу и Эквадора, высказывается предположение, что «главным катализатором возникновения конкурентного авторитарного режима в современной Латинской Америке является популизм <...> Популистские правительства толкают слабые демократии к конкурентному авторитаризму по крайней мере по трем причинам. Во-первых, популисты — это политические аутсайдеры, не имеющие опыта работы с институтами представительной демократии. Во-вторых, благодаря своим направленным против истеблишмента лозунгам успешные популисты получают от избирателей мандат на уничтожение действующей элиты и ее институтов. В-третьих, популистские президенты обычно вступают в конфронтацию с институтами горизонтальной подотчетности, контролируруемыми существующими партиями. Сталкиваясь с враждебными легислатурами и судами, не обладающие опытом, но вооруженные мандатом на свержение старой элиты новоизбранные популисты часто атакуют институты горизонтальной подотчетности, вызывая конституционный кризис. Президенты, взявшие верх в этих разборках, получают неограниченный контроль над государственными институтами»⁴⁷. Но почему вопреки геополитической близости к США популизм так уверенно чувствует себя в этих странах, в статье не объясняется; более того, положение о влиянии связей с Западом на перспективы демократизации там вообще не упоминается.

⁴⁷ *Levitsky and Loxton 2013: 108.*

Стоит отметить, что латиноамериканский регион дает также массу аргументов тем критикам концепции конкурентного авторитаризма,

которые обращают внимание на внутреннюю неоднородность режимов этого типа. Как подчеркивает тот же Мэйнуоринг, хотя режим Уго Чавеса в Венесуэле по многим параметрам соответствовал категории конкурентного авторитаризма, присущий ему высокий уровень мобилизации и политического участия заметно выделял его на фоне других конкурентных авторитарных режимов⁴⁸. Таким образом, категория конкурентного авторитаризма предстает нечувствительной к различиям, которые при ближайшем рассмотрении могут оказаться весьма существенными.

⁴⁸ *Mainwaring 2012: 960.*

* * *

Как когда-то заметила Барбара Геддес, «авторитарные режимы отличаются друг от друга не меньше, чем они отличаются от демократии»⁴⁹. Анализ авторитаризма, как и других сложных и внутренне неоднородных явлений, требует построения классификаций должной степени дробности и глубины, и создание Левицким и Вэем концепции конкурентного авторитаризма стало значимой вехой на этом пути. Но, будучи мощным познавательным инструментом, концепция эта, естественно, не лишена недостатков. В настоящей статье показано, что главные изъяны рассматриваемой теории связаны не с недостаточной концептуализацией понятия «конкурентный авторитаризм», а с интерпретацией причин уязвимости/стабильности подобных режимов. Сосредоточенность Левицкого и Вэя на роли Запада, а также на способности режима контролировать политический процесс оставляет за скобками ряд других важных факторов, на многие из которых указывают критики.

⁴⁹ *Geddes 1999: 121.*

Впрочем, в критической литературе освещены еще явно не все очевидные изъяны теории конкурентного авторитаризма. Прежде всего речь идет о недооценке того воздействия, которое оказывает на выживаемость конкурентных авторитарных режимов оппозиция, ее готовность и умение что-то противопоставить status quo.

Задача тщательного изучения феномена оппозиции при конкурентном авторитаризме особенно остро стоит перед российскими исследователями, поскольку, согласно расхожему мнению, именно отсутствие реальной альтернативы действующей власти является одной из важнейших причин исключительной устойчивости авторитарного режима в России («если не Путин, то кто?»). Нынешний российский режим, еще недавно в полной мере соответствовавший модели конкурентного авторитаризма, после внесения в 2020 г. поправок в Конституцию балансирует на грани авторитаризма гегемонистского. Думается, однако, что в нем по-прежнему присутствует ряд основных характеристик конкурентного авторитаризма. Квалификация этого режима как конкурентного авторитарного представляется продуктивной для анализа текущей политической ситуации, в частности, в том плане, что она позволяет оценить перспективы движения России в сторону демократии: такое движение реально, у оппозиции есть шанс добиться

определенных успехов, в том числе в рамках существующих политических институтов, но серьезные перемены возможны только при ослаблении режима.

⁵⁰ См. Przeworski 1991.

⁵¹ Гельман 2012: 82.

В 2012 г., подводя итог волне политических протестов 2011—2012 гг., Владимир Гельман рассматривал в качестве одного из потенциальных сценариев эволюции российского режима пошаговую (или «ползучую», по выражению Адама Пшеворского⁵⁰) демократизацию: последовательность сменяющих друг друга шагов правящих групп и оппозиции, которые корректируют свою стратегию с учетом действий противоположной стороны, что ведет к расширению политического участия, размежеваниям внутри элит и вовлечению оппозиции в политическую жизнь⁵¹. Тогда властям удалось совладать с протестами и их последствиями, тем не менее некоторые недавние события заставляют предположить, что успех этот был сугубо временным. Участвовавшие случаи победы несистемных сил на выборах регионального и муниципального уровней, протесты в Хабаровске, не вполне адекватная реакция властей на пандемию коронавируса и их неспособность справиться с серьезными внешнеполитическими вызовами (международный скандал в связи с отравлением Алексея Навального, события в Беларуси и в Нагорном Карабахе) показывают, что, несмотря на признаки консолидации авторитарного правления, российский режим далек от страстно желаемой им «стабильности».

В целом, однако, те критические аргументы, которые были разобраны в настоящей статье, позволяют достаточно полно оценить достоинства и недостатки концепции конкурентного авторитаризма, уже довольно прочно укоренившейся в российском политологическом дискурсе, и точнее определить ее место в теоретическом арсенале как мировой, так и отечественной политической науки.

Библиография

Гельман В. (2012) «Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России» // *Полития*, № 4: 65—88. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Guelman-2012-4.pdf (проверено 30.11.2020).

Даль Р. (2010) *Полиархия: участие и оппозиция*. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.

Закария Ф. (2004) «Возникновение нелиберальных демократий» // *Логос*, № 2 (42): 55—70. URL: <http://pavroz.ru/files/zakariariseofdemocracy.pdf> (проверено 30.11.2020).

Карозерс Т. (2003) «Конец парадигмы транзита» // *Политическая наука*, № 2: 42—65.

Меркель В. и А.Круассан. (2002) «Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях» // *Полис. Политические исследования*, № 1: 6—17. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2002/1/Polis-2002-1-Merkel-Kruassan.pdf> (проверено 30.11.2020).

Хантингтон С. (2003) *Третья волна: Демократизация в конце XX века*. М.: РОССПЭН. URL: https://archipelag.ru/download/book/text_pdf/hantington_wave.pdf (проверено 30.11.2020).

- Bardall G. (2016) «Coding Competitive Authoritarianism» // *Zeitschrift fuer vergleichende Politikwissenschaft*, vol. 10, no. 1: 19–46.
- Bilek Ja. (2020) «Linkage to the West and Electoral Manipulation» // *Political Studies Review*. DOI: 10.1177/1478929920920104.
- Bours Laborin M. (2011) «Mock Democracies: Authoritarian Cover-ups» // *Journal of International Affairs*, vol. 65, no. 1: 254–256.
- Collier D. and S.Levitsky. (1997) «Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research» // *World Politics*, vol. 49, no. 3: 430–451.
- Diamond L. (2002) «Thinking about Hybrid Regimes» // *Journal of Democracy*, vol. 13, no. 2: 21–35.
- Geddes B. (1999) «What Do We Know about Democratization after Twenty Years?» // *Annual Review of Political Science*, vol. 2, no. 1: 115–144.
- Hartman C. (2016) «Leverage and Linkage: How Regionalism Shapes Regime Dynamics in Africa» // *Zeitschrift fuer vergleichende Politikwissenschaft*, vol. 10, no. 1: 79–98.
- Helle S.-E. (2016) «Defining the Playing Field» // *Zeitschrift fuer vergleichende Politikwissenschaft*, vol. 10, no. 1: 47–78.
- Hill J.N. (2019) «The Evolution of Authoritarian Rule in Algeria: Linkage versus Organizational Power» // *Democratization*, vol. 26, no. 8: 1382–1398.
- Karl T.L. (1995) «The Hybrid Regimes of Central America» // *Journal of Democracy*, vol. 6, no. 3: 72–86.
- Levitsky S. and J.Loxton. (2013) «Populism and Competitive Authoritarianism in the Andes» // *Democratization*, vol. 20, no. 1: 107–136.
- Levitsky S. and L.A.Way. (2002) «The Rise of Competitive Authoritarianism» // *Journal of Democracy*, vol. 13, no. 2: 51–65.
- Levitsky S. and L.A.Way. (2005) «International Linkage and Democratization» // *Journal of Democracy*, vol. 16, no. 3: 20–34.
- Levitsky S. and L.A.Way. (2010) *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. New York: Cambridge University Press.
- Levitsky S. and L.A.Way. (2011) «Response to Slater Review of Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War» // *Perspectives on Politics*, vol. 9, no. 2: 388–389.
- Levitsky S. and L.A.Way. (2012) «Beyond Patronage: Violent Struggle, Ruling Party Cohesion, and Authoritarian Durability» // *Perspectives on Politics*, vol. 10, no. 4: 869–889.
- Levitsky S. and L.A.Way. (2014) «Structure vs. Choice» // *Journal of Democracy*, vol. 25, no. 4: 151–156.
- Mainwaring S. (2012) «From Representative Democracy to Participatory Competitive Authoritarianism: Hugo Chávez and Venezuelan Politics» // *Perspectives on Politics*, vol. 10, no. 4: 955–967.
- Nodia G. (2014) «The Revenge of Geopolitics» // *Journal of Democracy*, vol. 25, no. 4: 139–150.
- Przeworski A. (1991) *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Roessler Ph.G. and M.M.Howard. (2009) «Post-Cold War Political Regimes: When Do Elections Matter?» // Lindberg S.I., ed. *Democratization by Elections: A New Mode of Transition*. Baltimore: Johns Hopkins University Press: 101—127.
- Schedler A. (2002) «The Menu of Manipulation» // *Journal of Democracy*, vol. 13, no. 2: 36—50.
- Schedler A., ed. (2006) *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*. Boulder (CO): Lynne Rienner.
- Slater D. (2011) «Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War by Steven Levitsky and Lucan A. Way» // *Perspectives on Politics*, vol. 9, no. 2: 385—388.
- Tolstrup J. (2013) «When Can External Actors Influence Democratization? Leverage, Linkage, and Gatekeeper Elites» // *Democratization*, vol. 20, no. 4: 716—742.
- Tolstrup J. (2014) «Gatekeepers and Linkages» // *Journal of Democracy*, vol. 25, no. 4: 126—138.
- Wahman M. (2014) «Democratization and Electoral Turnover in Sub-Saharan Africa and Beyond» // *Democratization*, vol. 21, no. 2: 220—243.
- Way L. and A.Casey. (2018) «The Structural Sources of Postcommunist Regime Trajectories» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 34, no. 5: 317—332.

Yu.S.Medvedev

CONCEPT

OF COMPETITIVE AUTHORITARIANISM

AND ITS CRITICISM

IN SCIENTIFIC LITERATURE

Yuri S. Medvedev — Ph.D. in Political Science; Associate Professor at the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St Petersburg).
Email: ymedvedev@yandex.ru.

Abstract. The concept of competitive authoritarianism by Steven Levitsky and Lucan Way has become one of the compelling responses to the decline of the transition paradigm that used to hold optimistic expectations about democratization of political regimes that combined elements of democracy and authoritarianism. According to Levitsky and Way’s logic, the presence of an authoritarian component does not allow one to characterize such mixed regimes as democratic, and in this sense, competitive authoritarianism

is still authoritarianism. At the same time, it differs from other forms of authoritarian regimes due to the non-illusory ability of the opposition to compete for the executive power.

The concept of competitive authoritarianism has been widely used in the study of political regimes, but the resulting important need for a deeper understanding of its assumptions has given rise to a number of critical evaluations among the researchers. The main criticism of the opponents regards the operationalization of the concept of “competitive authoritarianism”, the historical limitations of its usage, as well as Levitsky and Way’s idea that competitive authoritarian regimes are predetermined to democratize if they maintain broad and close ties with the West that are regarded as some kind of frozen objective reality. The article attempts to bring together the critical arguments that have been expressed in the research literature against the concept of competitive authoritarianism, and thereby contribute to a more balanced reception of this concept in the domestic scientific discourse. According to the author’s conclusion, the main flaws of the concept are related to the interpretation of the reasons for the vulnerability/stability of competitive authoritarian regimes. The focus on the role of the West and the regime’s ability to control the political process ignores a number of other significant factors, including the ability of the opposition to counter the current government with some real alternative, which is especially important in the Russian context, where the absence of such an alternative is one of the key reasons for the exceptional stability of the authoritarian regime.

Keywords: elections, democratization, competitive authoritarianism, international ties, political regime

References

- Bardall G. (2016) “Coding Competitive Authoritarianism” // *Zeitschrift fuer vergleichende Politikwissenschaft*, vol. 10, no. 1: 19–46.
- Bilek Ja. (2020) “Linkage to the West and Electoral Manipulation” // *Political Studies Review*. DOI: 10.1177/1478929920920104.
- Bours Laborin M. (2011) “Mock Democracies: Authoritarian Cover-ups” // *Journal of International Affairs*, vol. 65, no. 1: 254–256.
- Carothers Th. (2003) “Konets paradigmmy tranzita” [The End of the Transition Paradigm] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 2: 42–65. (In Russ.)
- Collier D. and S.Levitsky. (1997) “Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research” // *World Politics*, vol. 49, no. 3: 430–451.
- Dahl R. (2010) *Poliarkhija: uchastije i oppozitsija* [Polyarchy: Participation and Opposition]. Moscow: Izdatel’skij dom GU VShE. (In Russ.)
- Diamond L. (2002) “Thinking about Hybrid Regimes” // *Journal of Democracy*, vol. 13, no. 2: 21–35.
- Geddes B. (1999) “What Do We Know about Democratization after Twenty Years?” // *Annual Review of Political Science*, vol. 2, no. 1: 115–144.

- Gel'man V. (2012) "Rastsvet i upadok elektoral'nogo avtoritarizma v Rossii" [The Rise and Decline of Electoral Authoritarianism in Russia] // *Politeia*, no. 4: 65–88. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Guelman-2012-4.pdf (accessed on 30.11.2020). (In Russ.)
- Hartman C. (2016) "Leverage and Linkage: How Regionalism Shapes Regime Dynamics in Africa" // *Zeitschrift fuer vergleichende Politikwissenschaft*, vol. 10, no. 1: 79–98.
- Helle S.-E. (2016) "Defining the Playing Field" // *Zeitschrift fuer vergleichende Politikwissenschaft*, vol. 10, no. 1: 47–78.
- Hill J.N. (2019) "The Evolution of Authoritarian Rule in Algeria: Linkage versus Organizational Power" // *Democratization*, vol. 26, no. 8: 1382–1398.
- Huntington S. (2003) *Tret'ja volna: Demokratizatsija v kontse XX veka* [The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century]. Moscow: ROSSPEN. URL: https://archipelag.ru/download/book/text_pdf/hantington_wave.pdf (accessed on 30.11.2020). (In Russ.)
- Karl T.L. (1995) "The Hybrid Regimes of Central America" // *Journal of Democracy*, vol. 6, no. 3: 72–86.
- Levitsky S. and J.Loxton. (2013) "Populism and Competitive Authoritarianism in the Andes" // *Democratization*, vol. 20, no. 1: 107–136.
- Levitsky S. and L.A.Way. (2002) "The Rise of Competitive Authoritarianism" // *Journal of Democracy*, vol. 13, no. 2: 51–65.
- Levitsky S. and L.A.Way. (2005) "International Linkage and Democratization" // *Journal of Democracy*, vol. 16, no. 3: 20–34.
- Levitsky S. and L.A.Way. (2010) *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. New York: Cambridge University Press.
- Levitsky S. and L.A.Way. (2011) "Response to Slater Review of Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War" // *Perspectives on Politics*, vol. 9, no. 2: 388–389.
- Levitsky S. and L.A.Way. (2012) "Beyond Patronage: Violent Struggle, Ruling Party Cohesion, and Authoritarian Durability" // *Perspectives on Politics*, vol. 10, no. 4: 869–889.
- Levitsky S. and L.A.Way. (2014) "Structure vs. Choice" // *Journal of Democracy*, vol. 25, no. 4: 151–156.
- Mainwaring S. (2012) "From Representative Democracy to Participatory Competitive Authoritarianism: Hugo Chávez and Venezuelan Politics" // *Perspectives on Politics*, vol. 10, no. 4: 955–967.
- Merkel W. and A.Croissant. (2002) "Formal'nye i neformal'nye instituty v defektnykh demokratijakh" [Formale Institutionen und informale Regeln in defekten Demokratien] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 1: 6–17. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2002/1/Polis-2002-1-Merkel-Kruassan.pdf> (accessed on 30.11.2020). (In Russ.)
- Nodia G. (2014) "The Revenge of Geopolitics" // *Journal of Democracy*, vol. 25, no. 4: 139–150.
- Przeworski A. (1991) *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Roessler Ph.G. and M.M.Howard. (2009) “Post-Cold War Political Regimes: When Do Elections Matter?” // Lindberg S.I., ed. *Democratization by Elections: A New Mode of Transition*. Baltimore: Johns Hopkins University Press: 101–127.
- Schedler A. (2002) “The Menu of Manipulation” // *Journal of Democracy*, vol. 13, no. 2: 36–50.
- Schedler A., ed. (2006) *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*. Boulder (CO): Lynne Rienner.
- Slater D. (2011) “Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War by Steven Levitsky and Lucan A. Way” // *Perspectives on Politics*, vol. 9, no. 2: 385–388.
- Tolstrup J. (2013) “When Can External Actors Influence Democratization? Leverage, Linkage, and Gatekeeper Elites” // *Democratization*, vol. 20, no. 4: 716–742.
- Tolstrup J. (2014) “Gatekeepers and Linkages” // *Journal of Democracy*, vol. 25, no. 4: 126–138.
- Wahman M. (2014) “Democratization and Electoral Turnover in Sub-Saharan Africa and Beyond” // *Democratization*, vol. 21, no. 2: 220–243.
- Way L. and A.Casey. (2018) “The Structural Sources of Postcommunist Regime Trajectories” // *Post-Soviet Affairs*, vol. 34, no. 5: 317–332.
- Zakaria F. (2004) “Vozniknovenie neliberal’nykh demokratij” [The Rise of Illiberal Democracy] // *Logos*, no. 2 (42): 55–70. URL: <http://pavroz.ru/files/zakariariseofdemocracy.pdf> (accessed on 30.11.2020). (In Russ.)